

М. А. Поляковская

ПОНЯТИЕ НРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIV в.

(Алексей Макремволит)

Нравственные нормы поведения человека возникают из общественной потребности в регулировании человеческих отношений и являются одним из проявлений духовной жизни общества на определенном этапе его развития. Напряженность идейной жизни Византийской империи перед ее падением не могла не найти отражения в сфере морали. Сочинения византийских интеллектуалов изучаемой эпохи содержат выводы и сентенции, позволяющие воссоздать картину нравственных отношений как одного из звеньев общественных отношений.

Анализ понятия нравственной нормы в византийских источниках палеологовской эпохи усложняется тем, что почти все известные нам авторы занимали на лестнице общественной жизни ступени одинаковой социальной значимости. Количество памятников народной литературы бесконечно мало по сравнению с морем литературы аристократической.

Уникальным памятником, позволяющим реально ощутить отдельные проявления нравственного конфликта, разъедающего византийское общество середины XIV в., является «Разговор между богатыми и бедными» Алексея Макремволита¹. Автор этого своеобразного произведения противопоставляет два различных нравственных начала как результат социального конфликта между высшими предпринимательскими и торговыми кругами и трудовым людом города. Норма как мера людских отношений является для читателей «Разговора...» тем ключом, который открывает сокровищницу моральных ценностей. Поскольку симпатии автора на стороне «бедных», вступивших в спор с «богатыми», нравственная норма «бедных» получает в «Разговоре...» императивное выражение («Уважайте нашу общую природу», «Дайте нам наше» — 208,17; 214.12). Однако нравственный конфликт не выглядит обнаженным. Он облачен в одежды библейских формул. Но правила, почерпнутые в общем кодексе христианской морали, в устах «богатых» и «бедных» трактуются по-разному. Если «богатые» обращаются к словам апостола Павла («Если кто не хочет трудиться, тот не

ешь» — 205.17—18), то «бедные» повторяют: «Не копите», ссылаясь на Исход и другие книги Ветхого завета (208.13—17; 210.30—34). И только комментарии к библейским изречениям дают возможность понять те нравственные цели, которые заставили собеседников прибегать к тому или иному учению священных книг. Анализ словесной нюансировки в передаче библейских правил вырисовывает истинный смысл той или иной формулы. Приведенные выше слова из Второго послания апостола Павла фессалоникийцам в устах «богатых» получили явный оттенок предпринимательской логики: «Нет такого обычая — кормить даром тех, кто не служит».

Содержание нравственной нормы «богатых» и «бедных» в макремволитовом «Разговоре...» раскрывается, прежде всего, в таких этических категориях, как добро и зло, — категориях, строго соответствующих принципам христианского мировоззрения². Понятия добра и зла представляют собой обобщенную оценку человеческого поведения и нравственных отношений. Добро, благо включают в себя содержание совокупности норм морали, будучи тождественными понятию нравственного. Понятие «благо» тесно соприкасается с представлениями об идеале, счастье, которые выявляют ценности, составляющие смысл жизненной позиции человека. Высшим благом для «богатых» в «Разговоре...» является обладание золотом, богатством: «...мы любим золото и ценим его выше самих душ. Обладание им и его сохранение желанно везде» (215.7—10). Все человеческие чувства и отношения в представлении «богатых» определяются деньгами: «...когда наши близкие не слышат звона золота, они никогда не проявляют заботы о нас — ни друг, ни сосед, ни брат, ни кто-нибудь другой» (214.25—28). В рассуждениях «богатых» о золоте как лекарстве от всех бед определенно выражается идеология собственников: «А если придет старость со всеми ее недугами или случится какое-нибудь несчастье на путях жизни — и если золото нам не поможет, разве тогда мы тотчас же не погибнем самой позорной смертью?» (211.22—24).

«Бедные» противопоставляют этому идеалу жизни свое представление о счастье как совокупности интересов, находящихся в сфере добра: «...есть Христос вместо золота» (211.25)³. Что же главное в этом идеале? Несомненно, высокое нравственное совершенство человека⁴. Человеческие добродетели для «бедных» — это «самое прекрасное из всего, что человек взял у Бога, без чего нельзя познать Бога и отличить добро от зла...» (206.2—4). Благо «бедных» проявляется через примат духовного над земным на основе удовлетворения материальных нужд людей и даже утверждения имущественного равенства (а местами и социального). Ведущий мотив «Разговора...» — «мы живем хорошо» (206.6), предпочитая высшее низшему⁵. Следовательно, представление о «хорошей жизни», о благе, жизненном идеале резко противоположно в понимании «богатых» и «бедных», по Алексею Макремволиту.

Понимание «зла» оттеняет содержание «добра». Если «богатые» считают злом нищенство (212.10—14), леность (212.30—32).

то «бедные» усматривают высшее проявление зла в социальной несправедливости («...вы присваиваете себе то, что принадлежит всем» — 203.3).

Представление человека о чести и достоинстве определяется его отношением к добру и злу. Понятие «честь», выражающее общественную оценку личности, стоит в том же ряду понятий, что и «добро». У «бедных» честь и достоинство (to axioma kai he time) состоят в нравственной чистоте (206.9—15). Материальное благополучие не считается честью: «И что это за слава, имеющая в основе выгоду и наследство?» (215.16). «Богатые» же ценят человека по тому, какие места он занимает в собраниях (209.20), каковы его доходы (208—209) и даже — сколь пышна церемония его похорон (214—215).

В прямой связи с понятием «добро» находится понятие «совесть», которая является своеобразным мерилom нравственности. Совесть проявляет себя в осознании человеком ответственности за свое поведение, в оценке собственных поступков. «Бедные» считают, что скупость и бессердечие не соответствуют требованиям совести (205.10—16). Обращаясь к голосу совести «богатых», они неоднократно произносят свое «стыдитесь» («aideisthe»).

Но, может быть, мы имеем дело с отражением традиционной христианской морали, в которой совесть является критерием ответственности не перед собой и обществом, а перед Богом? Нет, в «Разговоре...» мы слышим не нравоучительные советы (как в «Аллегории...» этого же автора), а гневное осуждение тех, кто поступает вопреки совести, справедливости. Высшей совестью является здесь не столько Бог (хотя как без него средневековому писателю!), сколько ответственность перед людьми (205.9—16) и перед обществом («правитель государства, чтобы не осквернить и себя в этой грязи, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных» — 210.12—16).

У «богатых» же чувство долга и понятие «совесть» заменены признанием неизбежности установленного порядка — «так надо», «так определено» (206.16—17). В таком аргументе проявляется характерное для эксплуатирующих классов деонтологическое понимание долга.

Не следует думать, что Алексей Макремволит был последовательным выразителем нравственной нормы (как одного из аспектов социальной нормы) трудового населения. Он был интеллигентом, думавшим прежде всего о тех «бедных», которые были равны ему по положению (т. е. недостаточно богатых). Однако в полемическом пылу он сказал значительно больше: его «Разговор...» рисует типичную для классового общества картину нравственного конфликта и дает возможность раскрыть реальное содержание тех моральных принципов, ценностей и идеалов, которые определяют нравственную норму человека классового общества.

Краткий анализ одного из сочинений Алексея Макремволита,

разумеется, далеко не исчерпывает всех проявлений морали этого времени. Византийская общественная жизнь накануне падения империи, отражая сложность политической, социальной, идейной ситуации в обществе, интегрирует наряду с мистическим нравственным идеалом и те противоречивые нравственные нормы, которые порождены реальными жизненными условиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I. Ševcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between The Rich and the Poor». — ЗРВИ, кн. 6, 1960, p. 203—215.

² Исследование понятий добра и зла на византийском материале, см.: А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, т. XXVIII, 1968, стр. 77—78.

³ Можно сопоставить эти слова с определением «Бог есть благо» Николая Кавасилы. Хотя формула добра у обоих авторов совпадает, у Николая Кавасилы для познания высшего блага требуется не только отказ от всякого субъективного удовлетворения, но и возвышение над ним. Благо, по Кавасиле, — состояние трансцендентной умиротворенности.

⁴ Идея нравственного совершенства характерна для христианских авторов. Поиски путей этого совершенства часто противоречивы. Если Алексей Макремовит во имя достижения нравственного идеала требует устранения общественной несправедливости, то Николай Кавасила зовет к уходу от жизни в мир Христа.

⁵ Выяснению понятий «высокое» — «низкое» был посвящен доклад профессора Амстердамского университета И. Гудсблума на VII Международном социологическом конгрессе. См.: I. Goudsblom. On High and Low in Society and in Sociology. A Semantic Approach to Social Stratification. Varna, 1970.